

100 КНИГ, КОТОРЫЕ ПОТряСЛИ МИР

ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ» ПРОДОЛЖАЕТ ВЕСТИ ПОСТОЯННУЮ РУБРИКУ ЕЛЕНА САЗАНОВИЧ «100 КНИГ, КОТОРЫЕ ПОТряСЛИ МИР», ПРОЕКТ, ПОЛУЧИВШИЙ ГРАН-ПРИ ВСЕРОССИЙСКОГО ФЕСТИВАЛЯ СМИ «ПАТРИОТ РОССИИ-2014» В НОМИНАЦИИ «МОЯ РОССИЯ»

Елена Сазанович, ▲

**НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ.
ПОЭТ И ГРАЖДАНИН**

Мягкие лучи света падают на изможденное лицо. Белые простыни. Прозрачные пальцы, плотно прижимающие карандаш к губам. Листы бумаги на полу. Листы бумаги в руке. И колокольчик под рукой - в случае чего... Столик с лекарствами. Остывающий чай. Портреты Добролюбова и Мицкевича на стене. У изголовья - бюст Белинского. И взгляд поэта. Устремленный куда-то вдаль. Где эта даль? Только не там, где смерть. Там эта даль - где бессмертие. И песня, "что навеяна метелями и вьюгами родимых деревень". А в глазах столько боли. Нет, не за себя. За себя он никогда не болел. Хотя и безнадежно был болен. В глазах столько боли за любимую родину. И столько веры. В любимую родину. Что хочется вслед за ним верить... "Покажет Русь, что есть в ней люди, что есть грядущее у ней..." А поэт умирает. Сочиняя последние строки: "Усни, страдалец терпеливый! / Свободной, гордой и счастливой / Увидишь родину свою, / Баю-баю-баю!.."

Николай Алексеевич Некрасов. Классик русской литературы, революционер-демократ. Поэт. Нет, гораздо, гораздо больше чем поэт... Художник Иван Крамской пишет последний портрет Некрасова. Некрасов пишет

"Последние песни". Портрет получился. Поэзия побеждает прозу жизни. Бессмертие побеждает неизбежный уход. Поэт побеждает смерть. Своими последними песнями. Своим величайшим талантом. Поэт может умереть. Но его муза - нет. Муза Некрасова была "Печальной спутницей печальных бедняков". "Муза мести и печали." Такие музы не исчезают. Как, увы, не исчезают скорбь и печаль на нашей Земле. "Это было раненое сердце. Раз и на всю жизнь, — точно сказал Достоевский о Некрасове. - И незакрытая рана эта и была источником всей его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия, от жестокости необузданной воли, что гнетет нашу русскую женщину, нашего ребенка в русской семье, нашего простолюдина в горькой так часто доле его".

Раненое сердце. Крамской вполне мог и так назвать свою картину-портрет. Раненое сердце, раненое прошлое и настоящее. Раненое будущее. Раненая судьба. Как и у всей России. И вот все уже позади. Даже само настоящее. Даже если поэт отчаянно сжимает карандаш в иссохших руках, чтобы еще дописать... досказать... донести... Чтобы не только "вначале было слово". Но и в конце. А в начале... Как это было давно. Словно в другой жизни. Или другом ее измерении.

Печальные отрывки из детства на берегу неторопливой Волги. Презрение к отцу - деспоту и крепостнику. Горечь за судьбу любимой матери. Наконец, петербургские мытарства. Учеба в Петербургском университете сопровождалась голодом, ночлежками, случайными заработками. На долю дворянина по происхождению выпала доля бедняка. Впрочем, как и доля поэта, который познал любовь к родине и народу. И что такое долг перед ними. Рождался поэт, которого до него на Руси еще не было. Поэт, продолжавший традиции поэтов-декабристов, Пушкина и Лермонтова. И вместе с тем который уже говорил с народом на одном языке. И по праву говорил от имени народа.

Именно с Некрасова начался новый этап в развитии литературы. Дерзкий, откровенный, бунтарский, истинно народный и за народ. По иному писать уже было нельзя. Само время диктовало поэту строки. Само время нуждалось в реформаторстве. А Некрасов стал реформатором в литературе. Он не принижал стих до жизни. Он гармонично сближал стих с жизнью. А поэзию с прозой. Его можно назвать первым "новеллистом" в поэзии. Впрочем, он вышел за рамки поэзии. Поэт Некрасов был яркий публицист и фельетонист. Сказочник и историк. Лирик и хроникер. И безусловно один из величайших издателей. Редактор "Современника" вокруг которого

сплотились лучшие литературные силы. Белинский, Герцен, Достоевский, Толстой, Тургенев, Чернышевский... С такими силами крепостное право, которое так яростно ненавидел Некрасов, было просто обречено. Впрочем, обречен и запрещен был и "Современник". Но Некрасов не сдаётся. Он становится редактором "Отечественных записок", сделав их вместе с Салтыковым-Щедриным "боевым органом революционного народничества".

Без преувеличения он "лиру посвятил народу своему". И ответил на вопрос "Кому на Руси жить хорошо". И на что способен истинно "Русские женщины". И как смотрят на мир "Крестьянские дети". А "Размышления у парадного подъезда" - это всего лишь "Надежды и муки".

Но все это уже позади. А впереди - портрет умирающего поэта... Сильный мороз. Тысячи людей с 9 утра провожают певца "народной жизни" в последний путь. И расходятся только в сумерки. Впервые похороны поэта переросли в настоящую демонстрацию. И еще - известная речь Достоевского у открытого гроба, вызвавшая бурные споры, когда он Некрасова поставил вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Эти споры продолжались уже на страницах печатных изданий. Впрочем, какие споры могут быть касательно классиков? Кто первый? Первых и последних среди классиков не бывает. Классик - это уже классик. Это понятие бесспорно. Учитывая, что Некрасов умер позднее и Пушкина, и Лермонтова. И как верно заметил Короленко, "Достоевский своим проникновенно-пророческим голосом назвал Некрасова последним великим поэтом из "господ". Придет время, и оно уже близко, когда новый поэт, равный Пушкину, Лермонтову, Некрасову, явится из самого народа..."

Но в ту суровую зиму умер "великий поэт из господ". "У кого была такая смелость, чтобы не побояться громко и во всеуслышание заговорить о бедствующем народе?" (Глеб Успенский). Конечно, у Некрасова. У поэта и гражданина. Так кто же он был в первую очередь? Некрасов ответил на этот вопрос просто и ясно: "Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан."

"Поэт и гражданин" - одно из самых значительных, самых отличных стихотворений Некрасова. Оно - прямое попадание в любое время. Сегодня оно попало в десятку. Хотя написано было почти 160 лет назад. Но от перемены времени значение поэта в обществе не меняется. Как и гражданина...

Этим программным стихотворением, этим поэтическим манифестом открывался сборник Некрасова, который имел ошеломляющий успех. Середина 50-х годов. Полное сближение поэта с революционерами-демократами. Полный разрыв поэта с либералами. В этом стихотворении Некрасов откровенно заявляет о политическом значении поэта в обществе. О политической направленности поэзии, которая была присуща декабристам. Которая должна быть присуща всем поэтам. И не только в России. "Лежачая" поэзия не сделает мир совершенней. "Лежачая" поэзия под настроение. Стерильное искусство для стерильных людей. "Чистенького" искусства не бывает. "Чистенькое" искусство на один миг. Тогда к чему поэт? Поэт на миг это уже не поэт. Он может вполне ограничиться и рифмами к случаю в домашних тетрадках.

Стихотворение "Поэт и гражданин" драматургично. Этакий мини-спектакль. Диалог между поэтом и гражданином. Спор между поэтом и гражданином. Полемика между идеей и безыдейностью. Между высшим предназначением на земле и обывательством... Нет, Некрасов не желает оторвать поэта от "служения искусству". Он просто призывает, чтобы искусство служило "благу ближнего".

"Пускай ты верен назначенью, / Но легче ль родине твоей, / Где каждый предан поклоненью / Единой личности своей?.."

Да, тех, кто действительно думает о своем предназначении на Земле - не много. Не много тех, "в ком чувство долга не остыло". Для одних жизнь - это Вселенная. Для других она уместается в квадратные метры обустроенного собственного мирка. Для одних Родина пишется с большой буквы. Другие родину называют "эта страна". Для одних - "человек" - это звучит

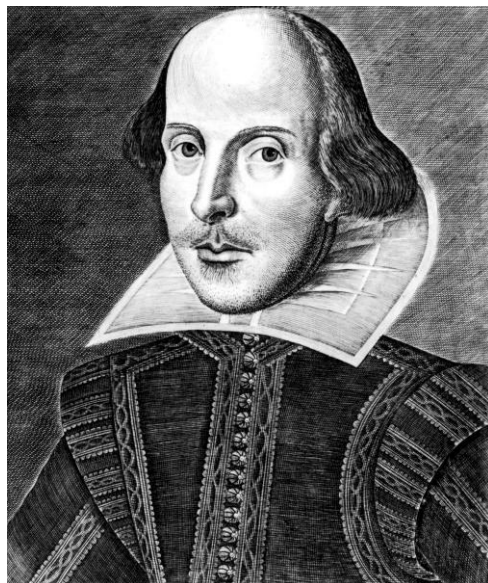
гордо!" Для других - уровень души человека измеряется уровнем зарплат. Мы такие разные.

"Одни — стяжатели и воры, / Другие — сладкие певцы, / А третьи... третьи — мудрецы: / Их назначенье — разговоры. / Свою особу ограда, / Они бездействуют, твердя: / «Неисправимо наше племя, / Мы даром гибнуть не хотим, / Мы ждем: авось поможет время, / И горды тем, что не вредим!.."

Что лучше - быть безвредным или полезным? Каждые отвечает сам. Хотя безвредным просто быть проще. Так и отвечает поэт в "Поэте и гражданине": "А мы с своей душой ленивой, / Самолюбивой и пугливой, / Не стоим медного гроша. / Спеша известности добиться, / Боимся мы с дороги сбиться / И тропкой торною идем, / А если в сторону свернем — / Пропали, хоть беги со света! / Куда жалка ты, роль поэта! / Блажен безмолвный гражданин..."

Конечно, стихотворение Некрасова гораздо глубже, шире, выше. Как и вся его гражданская поэзия. Дело не в поэте. Дело в гражданине. "Довольно даже нам поэтов, Но нужно, нужно нам граждан!" В названии стихотворения вместо слова поэт можно поставить кого угодно. Врач, продавец, чиновник, строитель, учитель, бухгалтер, домохозяйка... Главное, остается слово "гражданин". Главное, что человек должен понимать свой долг. Зачем он пришел на эту Землю? Что он мог ей дать? А не она ему? И с чем он неизбежно когда-нибудь ее покинет. И если бы каждый это понимал... Возможно, на Земле меньше бы выросло сорняков. И больше бы рождалось таких поэтов и граждан, как Некрасов. Лишь тот, кто "честно ненавидел", кто "искренно любил" способен на подвиг. Подвиг в литературе совершил поэт и гражданин Николай Алексеевич Некрасов. Как и еще 99 писателей которые потрясли мир.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР. ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИНЦА ГАМЛЕТА

Англия. Как мы далеки от этой страны. Дождей, туманов и клетчатых зонтов. Хандры и педантов. Впрочем, это очередной миф. И дожди у нас есть, и туманы, и зонты. А англичане не так уж скучны и флегматичны. К тому же святого Георгия - христианского символа храбрости, защиты слабых и угнетенных - они считают своим покровителем. А мы святого Георгия Победоносца - своим. Он - эмблема Российского государства. Герб Москвы. И орденом святого Георгия награждают и у них, и у нас - "За службу и храбрость". И сегодня по всей России - в праздники и будни - везде трепещет георгиевская ленточка. А у них в день святого Георгия вывешиваются по всей Англии красно-белые флаги...

Но это еще не все. День святого Георгия - это еще и день Уильяма Шекспира. Считается, что он умер и родился 23 апреля. В святой для Англии день. Как в России: Пушкин - наше всё. Так и в Англии: Шекспир - наше всё. К слову, Пушкин как-то сказал о Шекспире: «У меня кружится

голова после чтения Шекспира. Я как будто смотрю в бездну... И все же мы Шекспира любим не меньше, чем англичане. А возможно, и больше.

Так, сообщал журнал «Вокруг света», треть из участвовавших в опросе жителей Великобритании не знает, что Шекспир писал пьесы и сонеты, а многие вообще думают, что он был английским королем. У нас так не думают. У нас вряд ли кто-то не знает, что он был гениальным драматургом и поэтом. Даже если его и не читали. Не в обиду англичанам будет сказано, но у них к примеру, вряд ли мог родиться Достоевский. А вот Шекспир у нас - запросто. Потому что "шекспировские страсти" - это больше про нас, чем про них.

Это уникальный писатель с гигантским словарным запасом - от 20 до 25 тысяч слов. Причем он ввел в английский язык около 3200 новых слов. Опять же не в укор стране туманов и зонтиков - современному англичанину с высшим образованием хватает не более 4 тысяч.

Впрочем, не будем: как у них и как у нас... Это - Шекспир. Он - для всех времен и народов. Для всех сочинений и монографий. Для всех театров и кинотеатров. И для всякой души. Если она, конечно, есть у всякого. Да и вообще -английский стоит выучить только за то, что им разговаривал Шекспир...

Уильям Шекспир родился и умер в один день. И похоронен в Стратфорде-на-Эйвоне (хотя 25 лет провел в Лондоне) у алтаря церкви святой Троицы, где был при рождении был крещен. Памятник на стене недалеко от могилы, представляет собой бюст. В правой руке - гусиное перо. Левая рука лежит на листе бумаги. Шекспир по-прежнему сочиняет. Каждый год, в день его рождения, гусиное перо в его руке заменяют на новое. А на могиле - собственная эпитафия драматурга. "Друг, ради Господа, не рой Останков, взятых сей землей; Не тронувший блажен в веках, И проклят - тронувший мой прах."

Шекспир как гений многое предвидел. Вряд ли он параноидально боялся эксгумации останков тела. Хотя почти в половине пьес драматурга можно прочесть об осквернении могил. Нет, здесь таилось что-то большее. Более некрасивое, чем само осквернение. Самое известное выражение мировой литературы "Быть или не быть?", похоже, сыграло с ним злую шутку. Шекспир предчувствовал, что его гений не простят даже после смерти. Что его гений осквернят. Вообще усомнившись в существовании гения под фамилией Шекспир. И был прав. С удовольствием усомнились. Негении с удовольствием роют могилы для гениев. Им легче поверить в призрак, в тень отца Гамлета, чем в реальность уникального таланта. И все же проклятия Шекспира побоялись. Останки оставили в покое. Похоже и проклятия иногда во благо.

"Быть или не быть?" решено в пользу Шекспира. А как же иначе? Если у его могилы в призрачной туманной Англии по-прежнему бродят Любовь и Ненависть. Благородство и Коварство. Верность и Предательство. Подвиг и Подлость... Как "Сон в летнюю ночь", нежно взявшись за руки, бродят Ромео и Джульетта. А вдруг они не погибли во имя любви?... Крепко обнявшись, бродят Отелло и Дездемона. А вдруг Отелло не убьет оклеветанную Дездемону из-за ревности?... Бродит изгнанный старый король Лир. А вдруг его жадные дочери опомнятся?... Бродят демонические леди Макбет и Ричард III. А вдруг они отмоют свои руки от крови? Хотя бы в "Двенадцатую ночь"... И где-то, чуть поодаль у пруда с желтыми кувшинками, тоскует и мучается одинокий Гамлет. Вдруг он скажет просто: "Быть!" И Офелия не утонет... Добрая старая Англия. Но только не по Шекспиру. Это все призраки, в которые так верят англичане. А шекспировские персонажи давно ожили. И как правило, плохо заканчивали.

Да, по Шекспиру мы должны чаще страдать, чаще мучиться и чаще плакать. Может, еще и потому, чтобы почувствовать себя живыми? Каждый из нас всю жизнь стоит перед выбором: "Быть или не быть?" Чтобы не стать равнодушным.

"Гамлет"! Понимаете ли вы значение этого слова? - воскликнул Виссарион Григорьевич Белинский, потрясенный одной из самых великих трагедий Уильяма Шекспира. Мы отвечаем на этот вопрос до сих пор.

Отвечаем все. Читатели и зрители. Артисты и режиссеры. Критики и философы. И сколько есть нас на свете, читавших это произведение, столько существует и Гамлетов. Сколько существует эпох - столько и Гамлетов. Сколько поколений - столько и Гамлетов. Сколько стран - столько и Гамлетов. На одном только "Гамлете" еще долго может продержаться искусство.

И все же он один, неповторимый. В этом тайна и мощь этого произведения. В этом психология и философия. "Быть или не быть?" Жить в мире зла или зло уничтожить? Быть - значит уничтожить зло ценой своей жизни... Принц Гамлет - это ровесник Шекспира. Они живут в эпоху Возрождения. И автор, и его герой - мыслители и гуманисты. Автор предсказывает Гамлету блестящее будущее справедливого правителя. Недаром Гамлет учится в одном из лучших университетов Европы - Виттенбергском, где в те годы преподавал Джордано Бруно. В рассуждениях Гамлета много от рассуждений величайшего итальянского философа и ученого.

В чем уникальность драмы? Сюжет в общем-то бытовой. Гамлет мстит за смерть отца, которого убил родной брат отца, чтобы занять его трон и жениться на королеве - матери Гамлета. Шекспир эту "семейную" трагедию сумел возвысить до вселенского масштаба. Когда месть превратилась в гораздо большую цель... Как изменить этот мир подлости, злодейства и коварства? Как "вправить вывихнутый век"?.. В итоге эта "семейная" трагедия завоевала весь земной шар. Все человечество, весь земной шар играет в пьесе. С его несправедливостью, болью, предательством, с его войнами и цинизмом. Потому что когда-то, давным-давно "прогнило что-то в датском королевстве". И был ли призрак? Может быть, это вообще воображение Гамлета, повод, чтобы бороться со злом? Или это хитроумные происки врагов Гамлета, его матери и его дяди? Чтобы совсем другие завоевали королевство?

В этом и секрет трагедии, что в ней нет конца. Ее можно дописывать и додумывать. Она бесконечна - как время. И современна - как бытие. И поэтому - навсегда. Гамлет (про убитого им Полония): "Он там, где его едят; у него как раз собрался некий сейм политических червей. Червь - истинный император по части пищи. Мы откармливаем всех прочих тварей, чтобы откормить себя, а себя откармливаем для червей. И жирный король и сухопарый нищий - это только разве смены, два блюда, но к одному столу; конец таков..."

Как же он жутко прав! Этот принц датский с книжкой в руке. Этот философ и мученик. Как же он страшно прав. Аж мурашки по коже. И те, кто с королевских (или президентских) кресел дает приказы убивать, бомбить людей - всего лишь блюдо для червей. И чем богаче их стол - тем слаще будет червям. Гамлет: "Человек может поймать рыбу на червя, который поел короля, и поест рыбы, которая питалась этим червем... Я хочу вам только показать, как король может совершить путешествие по кишкам нищего..." Недаром в драме Шекспира самые философские философы - могильщики. Впрочем, кому как не им знать тайну небытия? Если свою жизнь они посвятили смерти. Первый могильщик: "Если он не сгнил раньше смерти - ведь нынче много таких гнилых покойников, которые и похороны едва выдерживают..."

Это только не про Гамлета. Да, он выполнил свою первую задачу - отомстил за отца, убив Клавдия. Но вторая задача - сделать мир совершенным и справедливым - оказалась для него невозможной. А мечты о гармонии и правде - всего лишь утопией. Как и для Шекспира. Как и для его современников. И как, наверное, для всех нас. Во все времена и в любом пространстве.

Шекспир убивает Гамлета. Этого чистого юношу с благородным сердцем. И тем самым делает его бессмертным. Потому что смерть Гамлета - это его послание людям быть причастным ко всему на Земле. И лично отвечать за весь мир. За его горести и поражения. За его несовершенство и зло. Чтобы в конце концов ответить на гамлетовский вопрос: "Быть или не быть?" Может быть, это единственный выход для мира. Чтобы спастись. Это и завещал Уильям Шекспир. Как и еще 99 писателей, которые потрясли мир.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.
ЧТО ДЕЛАТЬ?

В Петербурге всегда сыро. Даже когда жгучее солнце. Даже когда вызывающая духота. Все равно ощущение: вот-вот затянется небо тучами. Вот-вот пойдет дождь. И зарядит, зарядит. Может быть, от этого в северной столице всегда немного грустно. И немного тревожно.

Впрочем, в то далекое утро, 19 мая 1864 года, Петербург был городом, каким ему и предложено быть судьбой. Туманным, ветренным. Слезливым от мелкого дождя. Мрачным от густой мглы. Атмосферным. Декоративным. Интеллигентным. Городом для философов. Одного из которых обязательно должны привязать к столбу позора.

Декорации продуманы до мелочей. Мытнинская площадь. Промокший дощатый помост эшафота. Высокий черный столб с цепями. На эшафоте - промокший сухощавый человек. Струйки дождя стекают по бледному лицу. Сползают под воротник пальто. Холодно... как холодно... А ведь это - месяц май. Впрочем, не все ли равно, какой месяц и какая погода. Если так холоден этот мир. Сквозь затуманенные очки трудно философски смотреть на этот мир. А, возможно, наоборот. Затуманенным он выглядит более философичным. И, как ни странно, более понятным и простым. Театральное действие началось. Началась гражданская казнь над Человеком. Возможно, самым интеллигентным из всех интеллигентов России XIX века. Самым политичным из всех политиков России XIX века. Самым мыслящим из всех мыслителей России XIX века. И очень, очень порядочным. Казнь над Николаем Гавриловичем Чернышевским. Величайшим писателем, общественным деятелем, просветителем, социалистом, революционером-демократом, ученым, публицистом.

На площади около двух тысяч с половиной человек. Нет, это не просто зрители, жаждущие хлеба и зрелищ. Это товарищи, единомышленники, соратники. Писатели, студенты, офицеры. Цвет русской интеллигенции. И, конечно, народ. Которому Чернышевский посвятил свою жизнь. И во имя которого он оказался у позорного столба...

Декорации соорудили. А вот спектакль провалился. Да и актеры, прислуживающие власти, оказались бездарными и безграмотными. Палач неуклюже сдернул шапку с подсудимого. А чиновник, заикаясь и кашляя, зачитал приговор. В итоге поперхнулся клеветой и промямлил "сацалических идей". По непроницаемому гордому лицу Чернышевского скользнула снисходительная улыбка. И в это время из толпы был брошен букет цветов. И все же этот фарс состоялся. Чернышевского приговорили к 14 годам каторги и поселению в Сибири навсегда. За то, что своими "сацалическими идеями" повел молодежь за освобождение народа от рабства. Затем палачи грубо опустили его на колени, приковали железными цепями к столбу и над головой сломали саблю. И дождь пошел сильнее. И стало холоднее. Во всей и без

того холодной России. И в толпе воцарилось молчание. Как и во всей и без того молчаливой России.

После окончания этого позорного для России спектакля, все ринулись к карете, на которой увозили революционера-демократа в кандалах. Только конные жандармы смогли успокоить людей. И вновь Чернышевскому были брошены цветы. Как победителю. А не побежденному. Кто-то закричал: "Прощай, Чернышевский!" Но его тут же перебили "До свидания, Чернышевский!" "До свидания-я-я-я!!!" Эхо пронеслось по всей толпе. Эхо пронеслось по всей стране. "До свидания, Чернышевский!"

"До свидания!"

Свидание не состоялось. Через двадцать лет после возвращения из Сибири, где он прожил 20 лет, в родной Саратов он умер через 5 месяцев.

И все-таки получилось "Прощай, Чернышевский!" И как несправедлив этот мир. И о какой справедливости речь, если такой же гражданской казни был подвергнут Мазепа, которого Петр Первый наградил орденом Иуды (изготовленным в единственном экземпляре) за измену России. И декабристы, самая передовая часть русского дворянства, борющаяся за процветание России. О какой справедливости речь, если к позорному столбу приковали Салтычиху, садистку и убийцу крепостных. И Чернышевского. Благороднейшего борца против крепостничества.

Да уж. Воистину легко смешать добро со злом. Черное и белое. Впрочем, это всегда кому-нибудь нужно. Точнее - выгодно. Как и выгодно было в 90-е годы XX века вторично устроить ему "гражданскую казнь", опозорив и оплевав его имя. Увы, его руки в кандалы уже невозможно заковать. Хотя бы - с удовольствием!.. А в «нулевые», когда общество начало медленно, мучительно, но верно идти к справедливости, эти "борцы за демократию" вдруг суетливо делают Чернышевского "своим" - борцом против нынешней власти. Таковы изоощренные, уродливые методы нынешних демократов. Хотя истинными демократами были и остаются Чернышевский и его последователи. И эту историю не переписать. Как не предотвратить гражданскую казнь над новыми мазепами и салтычихами. Чернышевские исключаются.

Как-то Иван Сергеевич Тургенев справедливо заметил: "Все истинные отрицатели, которых я знал - без исключения (Белинский, Бакунин, Герцен, Добролюбов, Спешнее и т. д.), происходили от сравнительно добрых и честных родителей. И в этом заключается великий смысл: это отнимает у деятелей, у отрицателей всякую тень личного негодования, личной раздражительности. Они идут по своей дороге потому только, что более чутки к требованиям народной жизни".

По своей дороге шел и Николай Гаврилович. Как можно быть счастливым, если вокруг столько несчастных. И есть один способ стать счастливым - осчастливить всех. Утопия? Возможно. И все же. Значит и религия - утопия? Страдания за ближнего - утопия? Готовность принять муки за всенародное счастье - утопия? Вера в справедливость, добро, правду - утопия? Или все же - порядочность и благородство?

Кстати, великий "отрицатель" Николай Чернышевский был из потомственной семьи священников. Отец, оба деда и прадед - все священнослужители. А сам Николай стал революционером. Посвятив себя священному делу. Сделать мир лучше. Он всю жизнь доказывал, что веры в гармонию мира мало. Нужно за гармонию мира бороться. Вот такое соединение веры и борьбы. Гармоничное соединение. Даже если это утопия.

Начитанный, дерзкий, глубокий. Он знал латинский, греческий, еврейский, французский, немецкий, польский, английский, персидский. Воистину - интернациональное мышление. Особенно если великие книги можно читать в подлиннике. Воистину - заработанное право не просто изучать этот мир, но и учить этот мир...

После окончания Петербургского университета он стал старшим преподавателем в Саратовской гимназии. Затем преподавал в кадетском корпусе в Петербурге. Любовь прогрессивной молодежи к нему была безграничной.

Ненависть властей - безразмерной. Защита его диссертации становится настоящим событием общественной жизни. Как и его публицистика в журнале "Современник", где он возглавлял политический отдел. Ох уж эти "сацалические идеи"! Они уже давно попереки горлу властям. И давно их пора схватить за горло. Чтобы задушить "сацалическую" песню буревестников. Схватили. "Современник" временно закрыли. Чернышевский и со товарищи арестованы. В руках суда - ни одного достоверного материала для законного осуждения. "А судьба, кто?" Известно. Беззаконие. Чернышевского судили только за то, что он был... Чернышевским. Ни больше и не меньше. Нет, пожалуй, больше. К позорному столбу пригвоздили всю передовую Россию. Всю прогрессивную мысль. И веру. Даже если тогда она называлась атеистической. Шекспировское: быть или не быть? И очень русское: что делать?

За четыре месяца в одиночной камере Петропавловской крепости Чернышевский написал роман "Что делать?" Роман тут же опубликовал журнал "Современник" (цензоры проспали или не читали). И тут же номера «Современника» были изъяты. Роман в рукописи разошелся по всей стране и был подобен взрыву. Взрыву сознания.

«О романе Чернышевского толковали не шепотом, не тишком, - но во всю глотку в залах, на подъездах, за столом г-жи Мильбрет и в подвальной пивнице Штенбокова пассажа. Кричали: „гадость“, „прелесть“, „мерзость“ и т. п. - все на разные тоны...» (Н.С. Лесков)

«Для русской молодёжи того времени она [книга „Что делать?“] была своего рода откровением и превратилась в программу, сделалась своего рода знаменем...» (П.А. Кропоткин)

В Женеве роман переиздавался пять раз (на русском языке) русскими эмигрантами, затем был переведён на польский, сербский, венгерский, французский, английский, немецкий, итальянский, шведский и голландский языки. Воистину интернациональное мышление. Как того и хотел Чернышевский...

Вообще-то это очень своеобразные роман. Слишком своеобразный, чтобы не стать гениальным. Пожалуй, парадокс в том, что сам автор называл его реалистичным. Да, заявленные приемы критического реализма и революционного романтизма, неожиданно впервые породили самый не реалистичный роман. Первый опыт постмодернизма в России. Или первый неореализм вообще? Или гармоничное их сочетание. Тогда таких терминов еще не было. Да и сам Чернышевский, вряд ли бы согласился с этим. Он считал себя человеком, родившемся вовремя. В реалистичное, слишком реалистичное время. И, возможно, он впервые ошибался. Да, для своего времени он сделал все возможное и невозможное. Но как писатель-художник он гораздо перешагнул время. Недаром его обожал советский авангардист Маяковский. Поэт мысленно часто разговаривал с Чернышевским. Часто спрашивал у него: что делать? Перед самой смертью он в очередной раз перечитывал "Что делать?". Нашел ли ответ Маяковский? Нашел ли ответ Чернышевский? Наверное, если бы было все так однозначно и просто, мы бы до сих пор не спрашивали: что делать? Что?..

Удивительно, но это роман о любви. О любви мужчины и женщины. О любви к Родине. О любви к будущему, которое обязательно случится прекрасным. И все же... Этот роман настолько завуалирован, настолько эзопов и настолько недосказуем, как туман, окутывающий утренний Петербург. Нет, не только потому, что писатель его сочинял в тюремных застенках под пристальным оком жандармов. Что некоторые места до сих пор не расшифрованы. Все гораздо сложнее. И глубже. Насколько сложен и глубок этот роман. Иногда кажется, если бы автор был на свободе. И на веранде своего дома писал... Или в чистом поле... Он все равно бы обозначал символы. В этом и суть, и тайна, и талантливость этого произведения. Ведь Чернышевский писал и для будущего. Прекрасно зная, что и в будущем... в общем-то человек будет таким же. Увы. Он был умница, Чернышевский.

Если бы существовал такой жанр «игра», то этот роман можно было бы запросто к нему причислить. Роман-игра. Писателя и читателя. Писатель бросает вызов читателю, подсмеиваясь над ним, иронизируя над ним. Полемизируя с ним о своих любимых благородных героях: "Нет, друзья мои, злые, дурные, жалкие друзья мои, это не так вам представлялось: не они стоят слишком высоко, а вы стоите слишком низко..."

Только глупый читатель может обидеться на автора. Умный все поймет. Ирония - вот его литературный прием. Вот способ донести, что идеализировать героев своих романов можно и нужно. Сколько угодно. И даже нарочито и вызывающе "невозможные" "новые люди": Рахметов, Лопухов, Кирсанов, Вера... Вера Павловна... Первая, создавшая коммуны, первые швейные мастерские. Первая, заявившая о правах женщин. И свободе для женщин. Конечно, где-то далеко-далеко, во Франции маячила личность прекрасной Жорж Санд. Но за спиной Веры Павловны стоял русский Чернышевский. Какая редкость! Мужчина, который хотел уравнивать женщину с собой. На это способны только настоящие. А ведь это еще XIX век...

Самый главный герой романа «снимается в эпизоде». Ну, конечно, Рахметов. Уникальный герой. Которого обожал автор. "Высшие натуры, за которыми не угнаться мне и вам, жалкие друзья мои, высшие натуры не таковы. Я вам показал легкий абрис профиля одной из них: не те черты вы видите..." "Я знаю о Рахметове больше, чем говорю..."

Конечно, конечно больше. Парижская коммуна, итальянские карбонарии. Жанна д'Арк, Джордано Бруно, Мор и Кампанелла, Сен-Симон и Фурье... Их образы до сих пор не разгаданы. Они как и Чернышевский знали о мире гораздо, гораздо больше. И их слова во многом до сих пор зашифрованы. "Особенные люди". Они могли подвергаться чудовищным пыткам. Их загоняли в "крокодилы ямы". Взывался костер, превращая их в пепел. И они выживали. Как Рахметов, который сознательно подвергал свое тело физической боли. Но дело не в физиологии. Они просто тренировали свой мозг, свое сознание. И, безусловно, главным для них была - вера. Так выдерживали и потом, спустя век, в Великую Отечественную. Благодаря вере. Так еще мы обязательно выдержим. Если поймем: "Что делать?" Даже безответно.

Ленин резко ответил меньшевику Валентинову на его пренебрежительный отзыв о романе. Любимом романе вождя. "Он меня всего глубоко перепыхал. Когда вы читали "Что делать?" Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам пробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было куда негодное, поверхностное чтение. А вот после казни брата... Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь. Такого влияния бездарные произведения не имеют..." Только гениальные.

Если бы был такой жанр в литературе «спектакль». Этот роман бы в него вписался. Роман-спектакль. И великий социалист на подмостках, на коленях, прикованный к позорному столбу. Непроницаемый гордый взгляд. В будущее. Холодные струи дождя, проникающие через пальто. Холодно. Как во все Петербурге. Туманном и философском. И не всегда милосердном. Петербурге. И публика. Можно гнилые помидоры, а можно - цветы. Конечно, букет красных роз. От свободных женщин XIX века. К ногам Чернышевского.

Что делать? Этот вечный вопрос встает перед каждым из нас каждый день. И ответ на него может определить судьбу человека...

Личность Чернышевского - это явление века. Мировоззрение Чернышевского - это открытие века. Роман Чернышевского - это откровение века. И подвиг. Подвиги совершают не только на войне. Их совершают и в искусстве тоже. Очень, очень немногие. Но извечный вопрос «что делать?» задают все писатели. И только избранные отвечают на него. По-своему. Или не отвечают. Как Чернышевский... Как и еще 99 писателей, которые потрясли мир. ▲